

стан и с утра до поздней ночи слышен стук челнока в избе. Холст получается грубый на ощупь, желтовато-коричневый. Чтобы отбелить, расстилают по снежному насту, кипят со щёлоком, а летом мочат в ручьях или речках и расстилают по росе на солнышке. Обычно это — обязанность ребятешек.

Ширина полотна рушника варьировалась от 29 до 50 сантиметров, а длина — от 1,5 до 3–5 метров.

Рушник украшался вышивкой; для вышивки использовались покупные хлопчатобумажные нитки, иногда гарус — мягкие кручёные нити.

На каждом рушнике, согласно его предназначению, свой орнамент.

Нам встречались мастерицы, которые убеждены, что нельзя перенимать рисунок с чужой работы: можешь его судьбу, его долю перенести, поэтому орнамент придумывали. Создавая орнамент рушника, опирались на языческую символику, на древние традиции. В орнаментальных строках выражены пожелания благополучия и благоденствия применительно ко всем видам хозяйства.

Встречаются рушники, на которых вышит сюжет: танцы цыган, хоровод молодёжи.

Широко используется геометрический орнамент, где ромбы — символ поля, крест — древний символ солнца, вечной жизни, розетки — солнца и др.

Распространён и зооморфный, и антропоморфный орнаменты.

Каждый рушник украшался и кружевом. Рисунок кружева чаще всего подсказывала окру-

жающая природа: листики, паучки, жучки, цветочки.

Изумляют рушники, выполненные в технике браного ткачества. Ткачиха терпеливо перебирает, считает нити, и изпод её рук выходит рушник дивной красоты. К свадьбе готовят рушники, рисунок которых выткан только красными нитями. Для призывника мать ткала на рушнике «солдатов», похоронный рушник был без кружева, бахромы.

Старинные рушники с неповторимым южнорусским орнаментом сохранили в себе заметные следы архаики.

К сожалению, только подлинными энтузиасты, настоящие ценители народного творчества, пытаются сохранить традиции домотканого ткачества и старинной вышивки.

Руки моей матери

Любовь Сальтевская,
с. Черкасское
Яковлевского района
Белгородской области

«Свинарка и пастух» — так, не мудрствуя лукаво, называли знаменитые создатели свой не менее знаменитый фильм. Уже став взрослой, я поняла, что название — о моих родителях. Мать моя, Ольга Сергеевна, родилась в 1929 году, как теперь говорят, до войны. А по её окончании оказалась тем подростком-переростком, которому в 4-й класс школы идти в 16 лет вроде бы стыдно, а вот на работу — в самый раз. Тем более что в сёлах оставались одни женщины да дети. Работы эти назывались

«куда пошлют». И таких, как моя мать, а сирот — в особенности (сирота — защитить некому), посылали на самые трудные участки: то бежать впереди трактора ночью — дорогу фонариком освещать, то позади него — из борон бурьян на ходу вытряхивать. Ох, и доставалось сироте... Красивая, высокая ростом, она выглядела уже девушкой, а силёнки были детские, да ещё полуголодная (отходы молотого зерна да оладьи, жаренные из конского щавеля). «Какой тракторист пожалеет, сбавит скорость, а другой — на пятки наступает, за всю ночь к роднику попить не разрешит сходить. И в боронах можно было запутаться и увечье получить». Вот она, доля многих девчат после войны...

Не самым лёгким участком была свинарня. Животные в землянках, сырость, всё время в резиновых сапогах, электричества не было — всё вручную. И поставили туда работать уже «на постоянную» мою мать с другой «товаркой», такой же беззащитной сиротой. Но девушки не роптали, работали на совесть, от души, хотя, как тогда говорили, всего лишь «за палочки», т.е. за трудовни.

А как радовались успехам! «Бывало, опоросится свиноматка, мы поросенок сухой соломкой оботрём, под мать положим, и лежат они все рядышком 7, 9 или 11 — пяточки розовенькие, посасывают, похрюкивают, причмокивают».

Привесы были хорошие, за поросятами приезжали из соседних колхозов. Труд свинарок был замечен и особо отмечен: не раз премировали то

платком, то отрезом на платье. А для них, переживших тяготы войны и бедность послевоенного времени, это дорогого стоило. И девушку Олю, Олечку, как её тогда называли за доброту, скромность и степенность, тоже многие замечали — даже из «почётных» (читай «богатых») семей. Чёрные брови вразлёт, коса до пояса, чёрные кудряшки чёлки, свежесть лица (на воздухе-то много времени проводили!), исключительная кротость — кому ж такая не приглянется?! Один недостаток — приданого мало или совсем нет: откуда же оно после войны у сироты возьмётся? Вот и раздумывали главы состоятельных семей...

А тем временем девушке приглянулся парень Петя (да и она, видимо, ему тоже понравилась), как вы уже догадались, — пастух. Тоже из многодетной семьи: пятеро их осталось, отец погиб на фронте. И было здесь чистое взаимное чувство — никакого расчёта. Наверное, любовь всё-таки, хотя в то время таких «громких» слов не произносили. Забегая наперёд, скажу, что и меня называли Любовью, потому что отец сказал: «Мы и друг друга любим, и её (дочь) любим. Назовём: Люба».

«А вот о приданом моя мать позаботилась, слава Богу, и тут не подвели руки моей матери. Традиционные перины-подушки были. Но, по обычаю, жениха нужно было вести на свадьбу по рушнику. Досужие соседи, не всегда с участием, напоминали: «Оленька, по чём жениха будешь вести? Утирок-то нету!» И вот уже природное упорство и воспитанное трудолюбие

сыграли свою роль. Поехали в Харьков, накупили бумаги (это нити хлопчатобумажные, из которых ткут полотно). И села моя мать за ткацкий стан осваивать профессию ткачихи. Как ткала? По ночам, после работы, при свече или лампе. И потекли из-под её рук метры полотна... но это ещё не полотенце. Их концы надо было украсить — перебрать, как это раньше называлось. Кропотливо считала ниточки, выбирала узоры: то рябину, то виноград, то какой-нибудь затейливый геометрический орнамент. Лихо летал челнок. Было это лето, так она и днём времени не теряла. Пока хрюшки паслись, она вязала кружева — их у нас называют «зубцы». Бойко мелькал в руках крючок, а к вечеру выходило широкое украшение, чтобы пришить его к концам. В нём — то, что виделось вокруг: свёкла, паучок в паутине.

К зиме два десятка рушников были готовы. Не стыдно жениха в дом вести! Украсили рушниками избу жениха, комнату, где свадьба будет проходить.

Некому только было благословить сироту, и — по обычаю — невеста, когда её забирали из родного дома, на свадебных санях пела такую песню:

Ты выйди, выйди, солнце
красное,
Ты приди, взгляни
на сиротскую свадебку
И согрей лучом своим
сиротинушку.
Мать с отцом её
во сырой земле

Уж давно лежат, уж починули,
Уж починули, и меня,
младу, уж покинули.
И лучом своим ты согрей меня,
Ты согрей меня,
благослови меня
Вместо матери,
вместо батюшки.
Нет у меня роду-племени,
Одна выросла, дом покинула.

Голос у мамы был высокий, грудной. Как она рассказывала, плакали все, хоть и свадьба...

Но главный сюрприз был впереди. Дату свадьбы моих родителей помнят в селе многие его жители. Это был февраль. Уже были проведены, смонтированы провода. Всё было готово для подачи в село электричества. А вот с электриком договорились, что рубильник он включит, как стемнеет. И вот в тихий вечер 2 февраля 1961 года, в 7 часов вспыхнула электрическая лампочка. И — о, чудо! — стены, украшенные рушниками, расцвели. Полотенца засияли, все приглашённые смогли рассмотреть, удивиться и в полной мере насладиться дивной красотой. Вот так Олечка! Восхищались от души.

Но руки моей матери трудиться не перестали. Предстояло построить дом, посадить сад...

Жизнь мамы прервалась год назад. У меня память о ней — в доме, в сердце.

После смерти моей мамы плоды её трудов я передала музею в дар. Хочется, чтобы и другие люди радовались творенью её рук.